

ШАПКА МОНОМАХА

(поэма-сказка)

Тяжела ты, шапка Мономаха!
(А. С. Пушкин)

«а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»

Евангелие от Иоанна (Ин.4:14)

ПРОЛОГ

Чем добрых молодцев потешить,
А красных девушек привлечь?
Спеть песню иль пирог испечь?

А, может, песню напевая,
Пирог, как город, создавая,
Взять из чулана холст и краски?
Чем не начало новой сказки?

Какую выбрать песню?
Не про тройку ль,
Что с бубенцами по России мчит?
И в низенькую тесную светелку
На полотно, на тканое спешит.

Как много лет прошло, с тех пор, как
сказки
Великим словом Пушкин воплотил.
Божественной таинственной указке
Его бессмертный гений путь открыл.

И под окном по-прежнему сегодня
Девы пряжу вечерком прядут.
И так же, как у Пушкина, достойно
Царя с душою, полной ласки, ждут.

Задумчивая *Вера* на минутку
Вздыхает и мгновение то ждет,
Когда однажды с шуткой-прибауткой,
Царь в низкую светелку вдруг
войдет...

Замешивает тесто. И сотейник
Выносит она, молча на балкон.
А *Люба* с *Надей* спросят:
- «Муравейник»?
Или, быть может, сам «Наполеон»?

Погожим днем с молитвой в сердце
В чудесный мир откроет дверцу,
Расскажет *Вера* в этой сказке
(В конце страстной седмицы, к Пасхе)

О красоте Божьего мира.
Туда зовет поэта *Лири*.

Смешает соль, муку и сахар,
Задумав «Шапку Мономаха»*
Вам сказкой о Руси представить.
Что же в пролог еще добавить?

Пожалуй, сделает *глазурь*:
Храни нас Бог от всяких бурь...

...Пока на весь крещеный мир
Готовит наша *ВЕРА* пир,
НАДЕЖДА время не теряет:
Царя за прялкой поджидает
И философски размышляет...

Осталось в тайне бремя *Любы*.
А наш читатель кривит губы:
- Ведь родила богатыря
Она от самого Царя!

Для этой сказки лишь один
Великий музы властелин.
Его *магический кристалл*
Любовью к детям заблистал...

ЛЮБОВЬ... Ее и выбрал Царь -
От Бога животворный Дар...

*С любовью для тебя, читатель,
Мой незатейливый пирог.
А коль ты юн, то ты искатель
Пусть трудных, но своих дорог.
И раз я сказку сочиняю,
То для тебя лишь повторяю,
Что сказка – ложь, да в ней намек.
Всем добрым молодцам урок.*

1 глава **ГОРОД ТКАНЫЙ**

Не может укрыться город, стоящий на
верху горы (Мф. 5,14)*

Войдем с *Надеждой* без печали
В чудесный мир своей мечты,
Откроем тайн волшебных дали...
И вдалеке от суеты

Рожденный светлым вдохновеньем
Увидим *Город на горе*.
С какой любовью и терпеньем
Он соткан. С песенкой к заре

На полотне *надежды* нашей
Кораблик детский мастерит
Мальчишка. Юности нет краше...
Ведь так *Надежда* говорит:

- Когда б судьба мне приказала
Путь в жизни для себя избрать,
Я б Город ткать волшебный стала,
Чтоб *музыкой* в том граде стать...

Вот очертанья Города. Собором
Открылась Королевская гора*:
Здесь жили Кант и Гофман...
Нынче звоном
Наполнены литые купола,

Что век хранят акафисты*, распевы
В том храме*. Там, на древнем
Корабле,
Спасенье тех, кто на земле иль в небе
Вершит свой путь к спасительной
Звезде.

«А море всем нам мать»*, - слова
поэта
Сияли как скрипичный ключ в строке
Для молодой души, что жаждет света,
Когда все соки жизни на замке,

Как почки у каштана в день весенний.
И тайно свой кораблик смастерив,
Кто ж не мечтает, как он – лета гений
Откроет миру новый материк!

Там слезы сосен всколыхнули море,
Смолой прозрачной золотясь в
волнах,
И дивной песней там восходят зори,
Янтарным златом, нежась в берегах.

Лазурью светятся и серебрятся воды...
В объятых чудной Музыка – Прибой.

Волшебный Город дивный, тайной
полон...

Там солнце слезы сушит, по одной

На дне морском высвечивая горсти
Таинственного камня – янтаря.
И ожерелья красочного повесть
Там примеряет юная Заря...

*Душа ребенка словно распахнулась
Лучам божественной сияющей
Любви.*

*Заря, аля, другу улыбнулась,
Сверкая ожерельем на груди...*

*Души алмаз не огранённый тронут
Дыханием священного огня...
Ведь ангелочек маленький, как в омут,
На палубу спускаясь корабля,*

*Ронял звезды искристые пылинки...
Они все – светлячки Любви. В тиши,
В Луче божественном, как Света
«золотинки»*,
Располагались в недрах юной сей
души.*

И к мачте прикрепленный алый парус
Корабль навстречу ветру поднимал,
И плакал, мокрый. Волн седых
усталость
Шептала буре про девятый вал.

...А город улыбался. Свет вне тени
Вдруг осветил всю улицу вдали.
Там жил Царевич. Тёплый луч
весенний
Дорогой расстелился впереди.

Не знал еще о власти, трон качая,
Он детскими ручонками, когда
Отец ушёл. И сыну завещая,

Искать свой в жизни *Путь*, он так
сказал:

- Чтоб сохранить от ржавчины и
тленья
Таланты и способности свои,
Ты должен Ум найти – тогда решенья
Взойдут колосьями, как зёрна из
земли.

Предъявят миру доблесть, разум,
твердость
И путь земной изведав непростой,
Откроешь всю Вселенную особой,
Неузнанной, непознанной звездой.

Найдёшь дорогу в *тридесатом*
Царстве,
Коль *сердцу* будешь верить своему.
Нет большего ни счастья, ни
богатства,
Чем быть влюблённым в Жизнь! И
посему:

Корону-шапку не ищи в скитаньях,
Коль затуманен алчностью твой взор.
Иную силу в драгоценном камне
Хранит сей царский головной убор...

* * *

Подрос Царевич. И как в старой
сказке
Решил познать в дороге белый свет.
Взнуздal коня, от материнской ласки
Тайком умчался он с зарёй в рассвет.

Как только солнце, новый день лаская,
Осветит путь Царевичу вдали,
И звуками волшебными играя,
в лесах ответят эхом соловьи,

А запах трав, цветов в крови взыграет,
Закружит буйну голову ему,
Непостижимой тайной запыхает
Шестое чувство в унисон всему...

Достанет он стрелу, взывая к Богу,
И, вскинув голову, на солнце
поглядит.
И, как голубка, в дальнюю дорогу
Стрела вмиг в поднебесье улетит.

2 глава ПРЕВРАЩЕНИЯ ЛЯГУШКИ

*Волна в разлуке с морем
Не ведает покоя
Ключом ли бьет кипучим
Иль катится рекой,
Все ропщет и вздыхает
В цепях и на просторе,
Тоскуя о бездонном,
Безбрежном синем море...
(В. Соловьев)*

А в тереме за чёрными долами,
Где распри княжеств родину сожгли,
Лягушка с человеческими глазами
Слезами горькими рыдает по Любви.

Пронзен стрелой зеленый лист
кувшинки,
Где квакала и плакала она.
Закрыл Горыныч для нее тропинки,
Когда она царевною была...

Но по ночам снимала жабью кожу,
На миг лишь, о болоте позабыв.
Господь нести велел ей эту ношу,
Свой Промысел над всем живым
свершив.

Дорогой долгой стелется разлука...
Царевичу ли клясть свою судьбу?
Замедлил ход - и замерли все звуки,
А солнце улыбается ему.

И вот он прибыл и коня стреножил.
Взметнулся соколом золотоперым к
ней...
И жабью кожу сдернул, искорежив,
Спалил в огне сверкающих очей.

И вот тогда, отринув эту маску,
Увидел он *царевну в серебре*.
Как будто бы она из детской сказки
Мелькнула белой Лебедью в окне...

В его глубинах сердца отразилась
Души ее печальная судьба...
Когда и где такое приключилось,
Что стала вдруг лягушкой она?

*Путей господних нить зовет далеко...
Внезапно аист над болотом закричал...
Душа у человека одинока.
Кто знает точно, где ее причал?*

На тихом озере, где белоснежных
лилий
Сплетались стебли, как дороги сеть,
Где кормчому на лодке без усилий
Кувшинку белую вблизи не
рассмотреть?

Рассказывала матушка однажды
Царевичу легенду о цветке*:
...Чиста невеста юная и каждый

Знал парня, что жил с ней в одном селе...

Уже родные к свадьбе суетились,
И белый подвенечный сшит наряд...
Но вдруг сердечко девичье разбилось

—
Разлука, зависть черная не спят...

И боль невыносимая держала
Девичью душу. Наступала ночь...
На озеро бедняжка прибежала,
Тоску сердечной раны превозмочь.

Луна купалась в озере и руку
По-матерински протянула ей.
Но невдомек красавице, что муку
Судьба, смеясь, готовила... - Смелей!

Лишь для тебя здесь лунная дорога!
И, развернув плаща тяжелый край,
Улыбкой пригласила ненадолго,
Войти в ее пустой латунный рай...

Нежнее ласки жениха казалась
Воды прохлада в лунном серебре...
И раной заалевшей жизнь осталась
На дне среди ила... Утром, на заре,

На озере луч солнечный осветит
Души невинной еле слышный ток...
И, умножая красоту на свете,
На водной глади явится цветок.

Но только ночь сожжет дневные
краски,
Русалочкой у берега сидит
Душа погибшая. Сюжетом детской
сказки*
История печально говорит.

И так она была бы одинока,
На белый свет лягушкой выходя,
Когда б стрелу Царевича с Востока

На лист не уронила бы *заря*.

И сумрак ночи озарился *Светом*,
Рубиновым, сапфировым огнем...
В магическом кристалле у поэта
Лазурно-изумрудным дождем

Камней возникла россыпь
драгоценных.

Царевичу - явления судьбы.
Как свадебное платье на Вселенной –
Земные проявления *Любви*...

—Так вот в чем сила дорогих камней,
оправленных во золото, как в броню!
Лишь тот достоин, принимать
решенья,
Кто голову мятежную свою

Готов отдать *Любви* для воплощений,
Лишь для того, чтоб и в лягушке ты
Смог разглядеть достойное
стремление
Быть частью воплощенной *Красоты*.

А утро, разгораясь, как порфира,
Блестит на листьях в капельках росы.
По берегу реки, подобно дивам,
Открыв ладони белые, цветы

Царевичу являют благородно
Неповторимый нежный аромат.
В лазури вод, видению подобна,
Сверкая, словно драгоценный клад,

Мечта, как в небе чайка, распластала
В полете серебристые крыла.
И в нежном лице дева вновь
предсталась...
Царевич слышит - речь ведет она:

—За то, что ты меня от мук избавил
И кожу жабью вмиг в огне спалил,
Дарю тебе волшебный этот камень,

Пускай в пути тебя б он сохранил.

Лишь только сила *Света*, ты запомни,
Способна миру *красоту* воздать.
И коль путем ты следуешь особым,
Чтоб *шапку Мономаха* отыскать,

Возьми *моей свечи* заветный пламень,
Какой бы путь сейчас не выбрал ты.
Прощай, мой друг. Смотри на этот
камень,
Услышь Вселенной пульс и зов земли.

Найди места, где свет нельзя
измерить,
Он жжет глаза, как будто столп огня.
И жизнь тебе откроет Смысла двери,
Ведь сам Господь посмотрит на
тебя...

Со мной случилось *новое рожденье!*
Открылись двери в незнакомый мир...
Из пепла возродилось вдохновенье,
Возникла радость окрыленных сил.

Разрушен дом из полусгнивших
досок,
Растаял дым иллюзий навсегда.
Открыв глаза, я вижу *солнца Посох*,
Меня благословляющий, когда...
По выжженной траве иду босая,
Боль вылилась наружу, грудь вспоров.
Земля и Небо, как от края к краю,
Меня делить пытаются. А ров,

Зияющий оскалом полнолуний,
И черных злых зрачков немая твердь,-
Как стекла под ногами у плясуньи,
Как хрипота, мешающая петь.

Луч света – и в обломках чёрный
терем,
Лягушки кожа прахом стала вдруг.
Душа, как птица, возродилась в *вере*,

Расправив крылья... Светел мир
вокруг!

А небо так сияет синевою,
И радуга звенит после дождя...
Как будто *родниковую водою*
Меня омыла матушка – земля...

*Я вырвалась из пустоты,
Из мрачных тёмных заточений,
Из темноты, из глухоты,
Из пустоты своих прозрений.*

*Из тусклых зимних вечеров,
Когда в камине нет уж дров,
Когда в душе уж нет огня,
Где мрак исследует меня.*

*Где одиночество внутри
Играет собственную роль,
Где нет тепла и нет любви,
Не роза королева - боль!*

*И как в ворота не стучи –
замок молчит.
Начнешь искать к нему ключи –
волчьи зрачки
Увидишь ставнями окна.
Снова одна...*

*И сердце яростно пронзит, до дна,
Тоска по солнцу и весне, друзьям,
По морю, граду на песке, цветам...*

*Как бирюзовая волна о брег стучит,
Из сказки Пушкина она на крыльях
мчит –
Царевна-Лебедь. А душа – парит.
И в море падает звезда. Штормит.*

*Я набираю высоту, как вскрик!
Покину землю, суету и вмиг -*

Надежды вечное крыло со мной...

–Так вот в чём радость бытия
весной?–

Царевич долго слушал, изумленный.
И прежде, чем ту птицу отпустил,
Он вдохновенно, робко и влюбленно
У нежного видения спросил.

.
Ответ, как взмах крыла, был краток,
ясен.

А взор раскрыл в глубинах синих
даль...

Весь мир вокруг, сияя, был
прекрасен...

И эхом голос неземной звучал:

- Пусть этот камень Светом озаряет
Тебя всегда на жизненном пути.
Пусть станет посохом во тьме и
охраняет
Во всех опасностях, встающих
впереди.

Дорогу к счастью не ищи в скитаньях,
Коль затуманен алчностью твой взор.
Иную силу в драгоценном камне
Хранит сей царский головной убор.

* * *

Взлетела птицей в небо, растворилась
В сиянье солнечных пронзительных
лучей.

Царевича мечта преобразилась,-
И вместо камня луч в руке своей
узрел.

Дорога, изогнувшись, вдаль
вонзилась,
Как отблеск острой молнии в ночи.
Он на коня вскочил: остановилось

на миг пространство... Тонкий луч
свечи

Вновь осветил души его чащобу,
В порядок мысли, приводя, в сей час.
И понял вдруг, что некий *мост* нашел
он,
Где *вечности* дорога началась...

От озера шел пар, и вмиг раскрыли
свои ладони белые цветы.
Царевич ощутил всю нежность лилий
Как аромат души из глубины...

На солнышке с застенчивой улыбкой
Всем недоступен символ *чистоты*.
А у Царевича в руке простой
кувшинкой
Таится *истина* во глубине мечты.

3 глава *ДОМ У ДОРОГИ*

...А конь рысцой бежал, сминая
травы,
Под музыку луны во тьме ночи
Звезда, танцуя на балу дубравы,
Роняла шлейф изысканной парчи.

Вновь лето на прощанье разродилось
Плодами винограда у крыльца.
Вдруг сердце у Царевича забилося...
Дорога разветвилась в два конца:

В одном конце – корчма. И *винограда*
Лоза видна в мерцании свечи.
Быть может, там ворота Рая? ... Ада?
Иль к *шапке Мономаха* там ключи?

Остановился. Тонкая Рябинка
Ветвями путь его стремилась
преградить...
И нежной серебристой паутиной

Обвила его сладостная нить
Волнений, вздохов, всхлипов,
настроений –
Мелодию в мгновениях верши!
А сколько разноцветных впечатлений
Он сохранил на дне своей души!

Так наливалась красками и пела
Царевича счастливая душа...
Но птица вдруг над ними пролетела,
Крылом простор, измерив не спеша.

Как будто в цвет небесный
облаченный,
Царевич вспомнил о своем Пути.
И вновь увидел, крайне удивленный,
Дом у дороги и решил зайти.

И вот стоит он на пороге дома,
Как будто у волшебного окна,
Как все ему тут мило и знакомо!
А на столе уж ждет бутылка вина...

С дороги путнику вино налито в
кубок.
Кровавое, как память старых ран,
Прохладное, как сталь слепых
орудий, –
Хранил вина состав глухой подвал.

И вспомнил тут Царевич случай в
замке,
Как мальчиком голубоглазым Грэй,*
Исследовав картину в старой рамке,
Замазал краской дыры от гвоздей...

Христовы раны на распятом теле
Багровой кровью из пробитых рук,
Струну у сердца нежного задели,
И мальчик содрогнулся. А вокруг

Дышало мраком все и серой пылью;
Спустился в погреб Грэй, нашел вино,

И прошлое их рода стало былью
В составе вин, хранящихся давно.

С восторгом упоения внимала
Душа ребенка знаниям иным,
А повесть Польдишока* вдохновляла
Корабль построить. Годы шли. Сквозь
дым

«Секрет»* мчит в океан, ища
глубины...
А киль, весь в пене, словно бы омыт
Безжалостной волной гигантской
силы...
И память, что мечту свою хранит,

Наружу рвется грустной древней
песней
Из уст отяжелевших моряка,
Когда пространство, море, время –
вместе
Вином бурлили в жилах старика.

Поднес к губам напиток сей
волшебный
Царевич. Залпом, осушив бокал,
Почувствовал, как кровь вскипела в
венах.
И, опьяненный, замертво упал...

Глаза его так сильно смежил сон,
Что ничего не помнил больше он.

4 глава ХОЗЯЙКА КОРЧМЫ

А рядом в горнице жар полыхает в
печке:
Корчмы хозяйка, встретив новый
день,
Живет давно надеждою той встречи,
Которая души ее свирель

Разбудит музыкой созвучной и
прекрасной.
И вот тогда погасшая свеча
Вновь возгорится радостно и ясно,
О самом главном трепетно смолчав...

Изведав *соль* и *муку* в одночасье,
Живет она в корчме совсем одна.
Прошла сквозь снег и лед, жару,
ненастья,
Душа ее... Печаль растворена

На дне морском глубоком. Безучастно
Лишь море к впечатлениям таким,
Которые красавицу несчастной
В угоду обстоятельствам иным

Оставят плакать горько над ошибкой,
Что совершила в юности она,
И звать у моря золотую рыбку,
Роняя слезы в море, как сосна...

И на заре примерив, ожерелье
Из солнечного камня – янтаря,
Узнать в волне лазурной то
мгновенье,
Когда Господь касается тебя...

Какая радость! Чувства первозданны!
Переполняется восторгом новым
грудь...
Так путник о *Колодце* долгожданном
Мечтает, что очистит его путь

От суеты реалий быстротечных,
И сделав только несколько глотков,
Зрочки его опять отметят Вечность
В огнях туманных дальних маяков.

Считай достойным музыки творенье–
Из печи жаром пышущий пирог!
Какое притаилось угощенье
Для гостя, что, быть может, на порог

К ней постучится Соколом иль
Грифом, Кукушкой, Ласточкой иль
Вороном в ночи. Души ее пещера
*сталактитом**
И *сталагмитом** разрослась в тиши...

Во всем природа ищет откровенья
С душою человеческой неспроста–
Весна цветет и ахает мгновенье,
В объятьях лета зреют, как уста,

Медовых сот наполненных глубины.
И пчелы посещают иногда
Своим почтением трудолюбивым
Печаль неопыленного цветка...

Ступает август на порог, сгущая
краски,
Роняя звезды в южные моря,
И одиночество рассказывает сказки,
Согревшись летним зноем... Сентября

Хозяйка ждет и в сад с утра
приходит.
И, созерцая летние дары,
Душа ее гармонию находит
В плодах, что не созрели до поры.

Не счесть плодов, достойных упоенья:
Крыжовник, Вишня, Слива,
Абрикос...
Но сердце с тем лишь ищет
откровенья,
Который жизнь ее в руладе грез

Откроет ощущеньем многогранным...
Лишь только за окном светать начнет,
За ним одним, волшебным и
желанным,
По тоненькой тропиночке вперед

Она пойдет в свой сад. И вновь
мгновенья
полны необъяснимой красоты,

А сердце замирает вдохновеньем
И отзвуком исполненной мечты.

И вот, что видит женщина, оставшись
Наедине с природою в саду:
Красавец-принц, с короною
расставшись,
Упал с коня в зеленую траву.

Рассматривая принца, вдруг находит
Мечты заветной алый лоскуток –
Из сердца юноши при свете утра
всходит
Луч солнца золотой.... И тот поток

Уж озарил хозяйку светом дивным,
И, наклонившись к юноше, она
Вдруг разглядела сразу: это Слива
Ей темной ночью плод свой отдала...

*...Все краски летние собрал,
Дождей и гроз не избежал,
Под утро месяц провожал
И солнце он тревожно ждал...*

*Когда у яблонек не раз
Плоды срывались все на Спас,
Он все молился глубоко...
Но, кроме Бога одного,
Не услышал его никто.*

*Как знать... Молитвой неспроста
Благоухали те уста...*

5 глава **КОРОНА ЦАРЯ**

Лето проходит как яблони цвет.
В каплях росы - все свиданья комет;
Пух тополей - в ароматах цветов,
Чистый ручей - в сладкой мяте
лугов...

Ночью окрашен, как в ризу одет,
Музыкой льется таинственный Свет...
Как удивителен этот мотив!
(Для пирога созрел плод –
Чернослив).

И встрепенулась хозяйки душа...
Дар от природы спешить приглашал
В горницу, где, вдохновенья полна,
Тайну запрячет в корону она...

Горочкой-шапкой исполнен пирог.
Верой хозяйку зовут; на порог
Только ступила из сада она,
В горницу вдруг заглянула заря.

...Что же Царевич наш?
Уж позабыл, что за короной
он царской спешил?

Дом свой покинул, отправился в Путь,
В музыке сердца улавливал суть,
Предощущеньем тропу выбирал,
Диву из кожи лягушки достал.

Птицей вспорхнула из пепла она:
Крылья, свободу изведав сполна,
Солнечный луч расстелили вдали...
И на коне, чуть касаясь земли,

Из вдохновенья дорогу узнав,
К шапке-короне он мчался
стремглав...
Что это? Спит ли он? Видит лишь
сны?

Женщина дикой лесной красоты
Будто пред ним открывает окно
В мир его чувств и желаний. Давно

Жаждал найти он заветную дверь,
Как ему выразить это теперь?
Уж не она ли ту чашу вина,
Что опьянила его, налила?

–Здравствуй, Царевич,– она говорит.
Путь твой, мой милый, далеко ль
лежит?
Знаешь, лишь только забрезжит заря,
В горнице я ожидаю царя.

В сердце с *надеждою* выткала холст,
Денно и ночью за прялку... Мост
Мне открывает мой внутренний взор,
Там, в лучах света, ступив на ковер,

Сотканный из лепестков алых роз,
В россыпи вечно мерцающих звезд,
Вечности сердце открыла заря –
В солнечном злате корона Царя.

Чтобы хотя бы ее увидеть,
Тайну камней драгоценных узнать,
Надо четыре стихии смирить,
Духом быть сильным и смерть
удивить.

Вижу, в огне ты уже побывал,
Голосу сердца все мысли отдал,
Так любовался природою ты,
Что откровеньем пылая, цветы

Твой ароматом наполнили взор...
Тайных желаний твоих кругозор
Необъяснимо катился туда,
Где среди звезд танцевала луна...

Но у крыльца - *винограда лоза*.*
Птица на ней - лучезарны глаза...
А ведь душа твоя как-то весной
Сбросила кожу лягушки долой,

Словно окно в небо, приотворив,
Силу огня для тебя превратив
В солнечный *луч*... Он в ладони твоей–
Камень волшебный и жезл для людей.

Справился ты со стихией огня,

Пламя короной горит для тебя!

–Кто ты? – невольно Царевич
вскричал.
- Речь твоя трогает сердца причал,
Пенной волной, вдруг омыв берега,
Где я ребенком босым иногда
Слушал, как море седое шумит:
Время у вечности в музыке спит.

Мысли твои для меня – это то,
Где находился я очень давно.
Так это дивное место любил,
Что по сей день про него не забыл.

Может быть, там глубоко я страдал,
Бога всем сердцем впервые узнал,
Воином был, побеждая врага,
Крови напрасно не лил никогда,

Город построил я свой на горе...
Из века в век в золотом октябре
Падает в море штормящее лист,
Тысячу лет бирюза тех кулис

Нам открывает в палитре тиши
Путь нашей грешной бессмертной
души.
Где, мне скажи, я встречался с тобой?
Богом забытое место открой!

Ведь в саду сердца, в его тишине
Предназначения тайна вовне
Вновь отражается мне на пути.
Лишь для того, чтобы смог я найти

Жизни невидимой Свет, красоту...
Ринуться в ад иль пройти через мглу
Тысячелетий. - Что скажешь теперь?
Где отыскать мне заветную дверь

В Город на той королевской горе*,
Где на берега в золотом янтаре

Плещется волнами Время в ночи,
Словно у Вечности просит ключи?

Хочет оно отпереть *красоту*,
Что там пульсирует, светит сквозь
мглу,
В совах ущелий, увитых плющом,
Непостижима под звездным
плащом...

Знал я, как град наречен. Позабыл.
Видел в руинах седых черный дым...
Мрачным оскалом ослабившись,
вверх
Взор направлял свой больной
...Кенигсберг*!

Словно рука из забытых могил —
Дерево жизни – собор*. Из руин

Тянется к свету. Найти этот пост
(Между Востоком и Западом мост),–

Вот в чем сегодня задача моя...
Там есть указ мне — корона Царя*.
Эта корона - *церквей купола* -
Золотом выткана здесь, у тебя.
-Где?
- На холсте, что я видел, когда
Конь мой принес меня прямо сюда!
Видно, мой предок на этой земле
Кровь свою пролил. Душа, как в огне,

Воспламеняется сенью тех дней...
И в необъятном просторе полей
Вижу я воина... Доблестный прусс*
Тысячелетнего прошлого груз

В этой легенде для нас приоткрыл,
Свет на историю рода пролил.
От крестоносцев в дружину врага,
Чтобы родные сберечь берега,

Воин *Кобыла Иван* перешел,
Русского князя святого нашел.
В рати у Невского бился Иван,
Роду *Романовых** корень был дан.

Видишь, корона династии сей?
...Свет куполов древнерусских
церквей...

Долго блуждал *без царя в голове*
Я по дорогам судьбы. Но во мгле
Чувствовал ритм и улавливал пульс;
Знаю, что выбрал я правильный курс.

Шапку найти – значит, взяться за Ум.
Так мой отец, уходя, полон дум
Мне говорил: «В жизни ты не робей,
Шапку снимай перед тем, кто мудрей,

Будь *справедлив, добр и верен себе* –
Станет судьба улыбаться тебе!»

6 глава **ПОЛОТНО НАДЕЖДЫ**

— Знать, твое поприще в этой дали,
Там снаряжались твои *корабли*,
Там ты пред Богом в ответе стоял,
Светлые души щитом прикрывал,

Горлице, жаждой томимой, принес
В горницу влагу и негу берез,
Моря безбрежного вечную соль,
Вместе с *надеждою* млечную боль,

Чувств половодье и слов красоту
И неуказанных мыслей мечту.
Кто я, ты спрашивал? *Вера* мне имя.
В сердце *Надежду* храню, и по силам

Мне испытанья Господь посылает.
Верю в *Любовь*, лишь Она
вдохновляет!

В сердце моем, полном скорби
глубокой,
Радость померкла, ведь я одинока.
Как только здесь я тебя увидала,
Снова душа моя возликовала!

Я ведь когда-то была как *Ассоль**,
Вечная юная радость, но боль
Жадной ручищей схватила меня –
Мне одолеть не под силу огня.

Тот, в чьих глазах боль проштопала
шаг,
Рядом со мной навсегда, *Мономах...*

*Может быть облачком в синей дали,
Зябким воробышком среди зимы,
Тонкой рябинушкой - гроздь в крови,
Нежною ивушкой – косы в пыли,*

*Гадким утенком на птичьем дворе,
Жалким ягненком у волка в окне,
Белкой, крутящейся в том колесе,
Где не измерить лишения все...*

На краю пропасти — *свет и заря...*
Синей жемчужиной мать-земля
Смотрит из космоса, куполом свод...
Долог был путь мой до этих высот.

7 глава **БЕЗ КРЕСТА**

...Гибель вымышляет язык твой;
как изошренная бритва он у тебя
коварный!
(из псалма 51)

В юности девой невинной жила,
Но без креста я росла, без Отца.
Только лишь жизни седой океан
Пеной страстей мои стопы обдал,
Мир распахнулся...

Господняя длань
Крыльям моим белым зарева скань
Черпать велела, и путь свой соткать...
Но без креста невозможно создать
Мир нерушимый из жизни своей...

Сколько бы ты ни придумал речей,
Если язык твой молитвы не знал,
Демон не зря тебя подстерегал.

А если сердце в гордыне надменной,
Будь ты княжной или даже царевной,
Ангел-хранитель оставит тебя,-
Путь свой Тамара сама избрала.*

*Лермонтов тонко все грани
отметил...*

Но не читают ведь классику дети.

Знать, таков промысел был обо мне:
Будто сверкая в небесном огне,
Речью искусной мой ум полонив,
Музыкой дивной настиг меня Гриф.

Лезвием слова мне грань начертил,
Словно бы в вальсе кружась, и открыл
Дверь в необъятную пропасть греха,
Но я не знала об этом пока...

И, околдована песней ночи,
Не замечала, как в эти свищи
Падает жизнь и уходит душа –
Капля за каплей. Вот так не спеша

Гриф меня ввел в лабиринт кривизны:
Чувств обостренье и всплеск
новизны...
Черным крылом мое солнце застлал,
Пеплом засыпал глаза и украл

Нежную алую святость зари,
Даль, где Ассоль так ждала корабли,
Утра безгрешного свежесть, росу,
Белую лилию в тихом пруду...

Влагой насытившись, в клюве
держал....
Красками хвастался, кинул, сбежал.
Пали ягоды красные в снег...
Музыка вновь обозначила век

Рваными ритмами, и диссонанс
Шнитке* вступает. Исторгнут романс.
Белая птица лежит на земле:

Крылья поломаны, стынет во мгле...

Грифы, вороны над нею кружат—
Соколы спят иль в крови все лежат...
Только кругом воронье и зверье
*Кровью Отечество дышит мое!**

И превратилось в багряную Соль
Платье на маленькой юной Ассоль.
Рвали зубами, когтями скребли...
Босх* обнаружил их в недрах земли,

Злоба безжалостно рыла кривит –
Свет Серебра им неведом... Звенит
Колокол в Храме Господнем, и вот
На покаяние вышел народ.

Дивной молитвой звучали стихи –
Епитрахилью накрыли грехи,
Словно взмахнула волшебным
крылом
В музыке света весна за окном...

Звуки открытой и чистой *Любви*,
Вылились с неба в ладони земли...
Рваные ритмы страданий и слез
Преобразились каноном Берез.

Вот и Рябинушка с Дубом вдвоем,
Пыль с нежной Ивушки смыло
дождем...
Белка, как в сказке, орешки грызет

И развеселые песни поет...

*Тот, в чьих глазах боль проитопала шаг,
К Богу приходит, ведь так, Мономах?*

8 глава **ЖЕМЧУЖИНА**

Только свою лишь закончила речь
Мягким движением волосы с плеч
Будто откинула. В этот же миг
В сердце Царевича снова возник

Солнечным светом наполненный луч,
Нервно пульсировал он среди туч...

– Понял я все! — в этот раз он
вскричал, -
Сила Любви — вот начало начал.
Птицей из пепла вспорхнула она,
Чтобы над миром сияла заря!

Голубем белым, кувшинкой в реке,
Чайкой над морем седым вдалеке,
Запахом родины, ветром в пути
Всем, кто дорогу мечтает найти...

И хоть пирог твой, хозяйка, велик,
Вкусен он так, что проглотишь язык,
Тайна названья его мне ясна:
Шапка-корона, но не для меня!

Мужа найти тебе надо. Родить.
И коль сумеешь любовь сохранить,

Станешь счастливой на сто лет
вперед,
И ощущая, как сердце поет,

Будешь молитвой судьбу свою ткать,
Детям волшебные сказки читать,
Взрачивать сад и смиренно нести
Крест, тебе данный на этом пути...

Я ведь исследую собственный путь,
Сердцу поверив. А чувства вздохнуть
Мне помогают на этом пути.
Кубок вина мне б достойно испить!

Ведь всем известно и очень давно:
Воину в чашу налито вино.
Бедных глупцов оно лишь опьянит,
Сердцем достойных на путь
вдохновит

К свету и солнцу, чтоб силу иметь
На неземную красу посмотреть.
Только тебе лишь взглянул я в глаза,
Сердце согрелось. И как в образах,

Как на иконах святых, нежный лик
Смертной печалью Вселенской
возник.
В сонной душе моей ласковый свет...
Будто бы друг передал мне привет.

Сердце мое остается с тобой,
Ритм призывает готовиться в бой,
Меч наточить свой и щит укрепить,
Чтоб *Красоту* и *Любовь* защитить.

— С Богом, Царевич,— лишь молвит
она.

Путь твой тернист и опасен. Зола
больше не сдавит мне грудь чернотой.
Сердце мое остается с тобой.

В этом волшебном бокале вина
Тайна жемчужины растворена:

Чрево ракушки хранило зерно;
Море штормило и лишь для того
Пели сирены, губя моряков
И увлекая на дно без сапог,
Чтобы жемчужину эту отдать
Только тому, кто из моря достать

Сможет ее из могилы глубин.
Там, в синеве, одинокий дельфин
Ищет свой путь среди высокой
волны...

- Да. Стало быть, со стихией воды

Справился ты, мой Царевич. Постой.
Вот твой бокал. Там жемчужина. Бой
Не начинай без жемчужины ты!
Сила огня есть у ведьмы-беды.

Как только встанет она на порог,
В жизни твоей замотает клубок
Змей ядовитых, гадюк, пауков,
Нечисти всякой смердящей, врагов

Тайных и явных... Жемчужину ты
Спрячь далеко в своем сердце. Храни.

9 глава ГОЛУБОЙ ПОТОК

...А в это время деревья в лесу
Что-то шептали Рябине. Красу
Ягод, уроненных в снег, год назад
Ей обещал тот ухоженный сад

Осенью влагой наполнить такой,
Чтоб для Царевича сделать настой.
—Чем же я хуже хозяйки корчмы?—
Плачет Рябина, - неужто и ты,

Мой верный страж, мой Орешник-
сосед
Ей предлагаешь себя для бесед?
Музыку слушаешь с нею в ночи,
Нотами брызжешь из глаз и молчишь?

Чем, мне скажи, поливает она
Корни твои, что цветы и трава
Рядом с тобой оживают, цветут,
Соки шмелям молодым отдают?

Ты свои ветви собрал, укрепил,
Словно другую планету открыл
В жизни своей... Поделись, не молчи.
Нужен Царевич мне. Дай же ключи

От его сердца! Ведь стрелы свои
Сделал Царевич, взяв ветви твои!

-Так грациозна, красива она,
Дева-Рябина. И влагой полна.
Только Царевичем бредит, не мной, -
Думал Орешник-бедняга. - Постой! —

Лес шелестел гулким зудом шмелей, -
Будто бы мысли Орешника змей
В сад приглашали. И злоба, корысть
Вдруг затопила небесную высь.

Ласточка села на дерева твердь,
Вниз посмотрела и тут же взлететь
Засобиралась. Не хочется ей
Видеть Орешник с Рябиной среди
змей.

Дождь собирался; завесою тьмы
Лес накрывало. Деревья, цветы
Так наклонялись под ветром, что дом,
Где находился Царевич, с трудом

Сдерживал той непогоды картечь,
Словно старался в одежды облечь
Рваные возгласы молний. Средь туч
Гас, исчезая, тот *солнечный луч*,
Что у Царевича в сердце сиял...
Тьмою объятый, Царевич упал.
И покатилась жемчужина прочь...
(Смехом зловещим ослабилась
ночь.)

В этот же миг страшной силы волна
(То ли с небес, то ли с моря она?)
Вылилась мощью стотысячных брызг,
—
Музыка стала похожа на визг

Сотен сирен у пожарных машин...
Этот мотив был насмешлив, фальшив.
Звук этот сразу вдруг всех оглушил,
Дом опустел. И в свинцовой тиши

Капала красная жидкость на пол:
Был опрокинут бокалом на стол
Ключ тот скрипичный в начале
строки,
Где нот свидания, как родники,

Пели, журча, о великой *Любви*,
Что зарождалась во чреве зари...
А тот огромный поток голубой,
Дом заливая, играя волной,

Тело Царевича вмиг, подхватив,
(Ведь в его сердце теплился мотив,
Чуждый фальшивым исканиям змей.)
Этот поток уносил все быстрей

По реке жизни его самого...
Он оказался достойным сего:

...Время погасло. *Огонь* и *вода*
Частью стихии раз и навсегда
Быть перестали. Так *ЛОГОС**
возник...

Только вот что это был за *язык*?

Как проявленье в погасшем огне
Странные формы и звуки вовне
Стали струиться мелодией той,
Что уже слышал он как-то весной...

Стал наш Царевич свой камень искать
И о жемчужине вспомнил. Достать,
Видно, ее из могилы глубин
Уж не придется, ведь он не дельфин...

Но глубина засветилась на дне,
И поток схлынул. В сиреновой мгле
Славный наш юноша слышал мотив,
Будто жемчужина, тайну явив,

Снова согрела ладони теплом.
И вспомнил вдруг он родительский
дом...

Глянул Царевич – в руках у него
Древняя книга. Вокруг — никого.

Нет ни корчмы, ни хозяйки. А лес
Вдруг расступился, и купол небес

Радугой высветил Млечный тот Путь,
Словно галактика тайной блеснуть

Повелевала осколкам воды,
Льдом серебрившимся возле звезды.

— Чудо! Знамение! Вот он мой Путь,
—

Ахнул Царевич. “На книгу
взглянуть!”—

Продиктовал ему кто-то в ответ.
“СВЕТ МИРУ”,— видит Царевич. А
вслед

Мыслям, катившимся с книжных
страниц,
Как крылья белые сказочных птиц,
Речь полилась полноводной рекой
Из уст Царевича... Музыка той

Не передаст нам ни ритм, ни клавиш,
Тайну в жемчужине он схоронил.
Звук голубой лишь простор услышал...
Ангел с мечом, появившись, сказал:

- Если свою образуеть ты речь,
Славный Царевич, — узрешь свой
меч!

Ведь для тебя как стихия - мечи!
Стой на земле и свищи иль кричи,

Если язык не послушен тебе,
Ты ведь себя не удержишь в седле.
Глянь в небеса на размах тот крыла
Гордого воина неба - Орла!

Он в поднебесье сильнее всех птиц:
Когти безжалостны, клюв смотрит
вниз,
И словно мысль, стремителен он!
Силой удара пронзит, как копьем!

Помни, что если *глаголом возжечь*
Ты собираешься сердце, твой меч
Есть у меня. Ведь я ветер сих мест,
От *Иоанна святой Благовест.*

Если увидишь ты в небе *Орла*,
Знай, что рассеется злобная мгла.
Это апостол святой Иоанн

Света Евангельского океан

На землю грешную пролил в тот век,
Когда распятый воскрес Человек.
Лев и Телец приоткроют тебе
Версии жизни Его на земле.

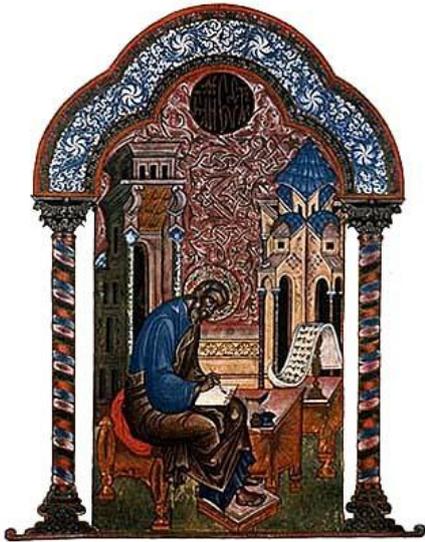
Было *двенадцать Апостолов* тех,
Окнами в небо сияли для всех
Марк и Лука, Иоанн и Матфей;
Словно крыла, их труды для людей...

Ветер, усилившись, пророкотал:
-Ты ничего ведь об этом не знал!
С ветром *архангел* прошел *Михаил*,
Тайные сени души обнажил...

И у Царевича *Книга* в руках
С ним говорит (как на всех языках).
«*Библия*»,— видит Царевич теперь.

Вот она! Это заветная Дверь!
Как будто тяжесть свалилась вдруг с
плеч:
Божие Слово у воина - Меч!

Тут он увидел две новых двери
В надписях древних,... поди,
разбери...
«*Библия: Ветхий и Новый завет*», -
Книгу пролистывал ветер в ответ...

Миниатюра русской рукописной книги «Евангелие от Матфея». 1531.

ВОСХОЖДЕНИЕ (часть II)

глава 10 ПРЕДСКАЗАНИЕ КОТА

Как только книгу Царевич открыл,
Ветер утих. Как *окно в новый мир*
В сердце внезапным теплом
разлилась,
Белой рекою из уст полилась

Русская Песня. Журчала она
Словно ручей, так тиха и светла...
Очи Царевич поднял и притих.
Песня звучала. И в этот же миг

Птицу волшебную он увидел,
Свет ее глаз он тот час же узнал.
В этих глазах лучезарных ее -
Вся *красота Поднебесья* того,

Лишь о котором он только мечтать
Мог в своих снах. Как ее разыскать?
Где найти? И не знал, отчего
Страждет он вылететь птицей в
Окно...

Взор ее был неземной красоты,

Голос мучительней алой зари,
Крылья белее сиянья снегов
В солнечный день, а смысл Песни
таков,

Будто бы мудрость *Софии* святой
(*вместе с ней Вера, Надежда,*
Любовь)
Вечной лазурью сияла вдали
И освещала комет корабли.

– Кто Ты? Царевич опять удивлен,
Словно мечом, он вопросом пронзен.
– Если меч война – *Слово*, язык.
– Что же Щитом мне послужит?

В сей миг, пташка слетела к нему на
ладонь:
- Сердцу дай волю, раскрыться
позволь
Так, чтобы слезы омыли твой лик...
Щит - покаяние. Этот язык

Труден в ученье, но легок в бою...
Чистое сердце—лишь с ним я пою.
– Как твое имя? - Царевич в ответ.
– Исповедь... - пташки простыл тут
же след.

Музыка в сердце звучала. И путь
Вновь озарила *надежда*... « В чем
суть
Этих жемчужин на Шапке, камней?» –
Думал Царевич. Журчащий ручей

Разом унес всю тоску и печаль
Прочь из души, где *горела свеча*.
Эхом откликнулся ритм старых фраз:
Небо... Земля... Щит и Меч. В этот
раз

Камень волшебный найти я не смог,
Только открылись мне ветви дорог.
Снова Царевич главою поник...

Небо состарилось. Лес издал рык

И пред Царевичем, словно в мехах,
Царственно-важный, как сам
падишах,
Дуб величавый дупло открывал,
Кроной шуршал, подойти приглашал.

Ближе подходит Царевич и вот
Видит он цепь, по цепи той идет
Сам знаменитейший пушкинский Кот.
Сказку расскажет он или споет?

- Ты кот Ученый, волшебный, скажи,
В жизни моей лишь одни миражи?
Я заблудился и сбился с Пути, -
Просит Царевич. - Задачку реши, -

Кот отвечает. - Судьба лишь тогда
Предоставляет гнедого Коня,
Если ты тверд и уверен в себе,
Немногословен, упорен в борьбе

В первую очередь с неким собой,
С тем, кто взывает вернуться домой,
Не одолев лишь полшага в пути,
Там, где осталось немного пройти.

-Что за задачу задашь ты мне, Кот?

- Если Господь тебе милость пошлет,
Сможешь увидеть свой Путь. Чуть
рассвет
Позолотит солнца луч, жди ответ:
Те *три жемчужины*, что ищешь ты, -
В тайных вратах златоглавой Москвы.

А в Оружейной палате Кремля
Символ сей власти – корона Царя.
Медленно Кот по цепи зашагал,
Вдруг обернулся и тихо сказал:

- Путь к русской Песне – дорога твоя.
От Светлой Девы получишь Коня.

Но с этой Девой увидишься ты,
Лишь отыскав устье Волги-реки...

- Как же мне выйти из леса к реке,
Как найти устье? И где я теперь?
- Где я? Царевича страх одолел.
Лес вдруг устал и уныло смотрел.

Дуб, отрясая листвы канитель,
Осени волосы трогал. Постель
Осень стелила дождями и мглой
Голых ветвей беспробудной тоской,

Слякотью, хрипами жухлой травы,
Холодом и приближеньем зимы.
Ночь опускалась, и падала мгла.
Вздрыгнул Царевич. А сизый туман

Медленно плечи его укрывал...
Дуб, обнажаясь, в тумане пропал...

Сыро и холодно стало. Вокруг
Не было видно ни зги. «Где же друг? -
Думал Царевич,- ведь мне одному
Не отыскать путь-дорогу в Москву.

Если поддамся я осени злой,
Слякоти мокрой, ненастью с тоской,
Так и останусь на месте сидеть –
Путь к Златоглавой мне не одолеть.

Сила в движении. Вставай и иди!»
Кто-то Царевичу шепчет: «Приди!
Сучьев сухих собери, три бревна,
Огонь сотвори и согрейся сперва».

Только костер золотой запылал,
Жаром Царевича душу обдал,
Как в темноте ночь поежилась вдруг,
Стало тепло и уютно вокруг.

Руки Царевич к огню протянул –
Сердце забилося в волнение и тут

Пламя взметнулось. Вновь неба
сирень

Алой зарей обозначила день.

Вспышками света из той глубины
Тьма озарилась, и стали видны
Палуба и паруса *Корабля*,
К морю дорога. Лишь гривой коня

В небо вонзился костер золотой;
Сучья, хрустя, становились золой,
Будто бы конь златогривый Буян
Вздыбился, словно седой океан.

К морю! Царевич коня увидал,
Он за деревьями всадника ждал,
Вновь вдохновенье, расправив крыла,
Сердце согрело. А конь мчал туда,

Где расстилалась дорога. Сквозь дым
Тени полночные плыли за ним.
«Что за *Корабль* я видел вдали?» -
Думал Царевич. А тени в пыли
Молча отслеживали каждый шаг,
Кутаясь в зябкий изношенный мрак.

Ночь задыхалась, ведь скоро заря
Выплеснет солнце из чрева в моря.
Землю согреет улыбка и свет,
Жизнь возрождая, как песнь многих
лет.

Но наиболее темная ночь
Перед рассветом. Она кличет дочь,
Чтоб созерцать было радостно ей
Души отправленных в царство
теней...

Только дорога лишь сделает крюк,
Выйдешь к Царевичу. Скажешь: «Я
друг.
Знаю, мой милый, куда держишь путь.
Женское сердце ведь не обмануть».

глава 11 **БИТВА**

Долго иль нет, наш Царевич скакал,
Только дорогу он вдруг не узнал:
За поворотом - кромешная тьма,
Только лишь в небе сияет луна.

Руки латунные тянет к нему,
Сладостно шепчет: «Иди, обниму...
Ночью всех тех, кто не спит в этот
час,
Лаской чудесной согрею. Сейчас
Ты, мой Царевич, слезай-ка с коня!
Видишь дорожку? Сей путь для тебя!»

- Нет! Ведь свой точно я вычислил
путь!

Путь этот к Свету! Тебе обмануть
Не удается меня, госпожа,
Не поверну я сюда! Конь заржал,

Стукнул копытом о землю всерьез,
Встал на дыбы, захрипел и понес
Прочь от неясных сверканий луны.
Но не заметил Царевич стены,

Что окружала чертоги ночи
Плотным кольцом: «В темноте поищи
Меч свой и Щит!- слышит эхом он
вслед,-
И приходи вкус отведать побед!»

Туча закрыла светящийся диск,
Все в темноте оказалось. Притих
Даже кузнечиков стрекот в степи,
Так тишина полонила пути...

Конь спотыкался. Царевичу вновь
Сила нужна, чтоб услышать *любовь*
В сердце своем, полном грозной
тоски;
Бой начинается стуком в виски!
«Если свою образуеть ты речь,-

вспомнил Царевич, - получишь свой
Меч!

Если язык не послушен тебе,
Ты и себя не удержишь в седле!»

Библия – вот мой единственный друг!
Может быть, ты – мой спасательный
круг?

Сколько часов драгоценных терял,
Я ведь о ней даже не вспоминал!

Снова Царевич ту книгу открыл...
Тьма все сгущалась. Уж не было сил
Тьму одолеть лишь движеньем
вперед,
Стая волков окружила и ждет...

«Надо сражаться!» - Царевич решил.
(Волк в ожидании протяжно завыл).
«Где же мой Меч? Божье слово
хранит
Спаса молитву. А мой язык спит.

Верую!» - только лишь он произнес,
Вой прекратился. И небо всерьез
Стало светлеть на Востоке. А ночь
В рваных лохмотьях отправилась
прочь.

Сердце выстукивать пробует ритм
К речи Царевича. Молится с ним...
И от сердечной молитвы такой
Сила пришла ему в помощь. Водой

Прямо с небес пролилась глубина
Божьего Слова. И в форме Щита
Серыми лился косичками дождь,
Только в том месте, где зависть и
злость,
Ненависть волчью питала корысть,
К ним беспощадна небесная высь.

Сердце согрелось теплом в глубине,
Кровь заструилась из ран... А в стене

В гулкой пробоеине *Свет* воссиял,
Будто с *Зарей* на венчании стоял...

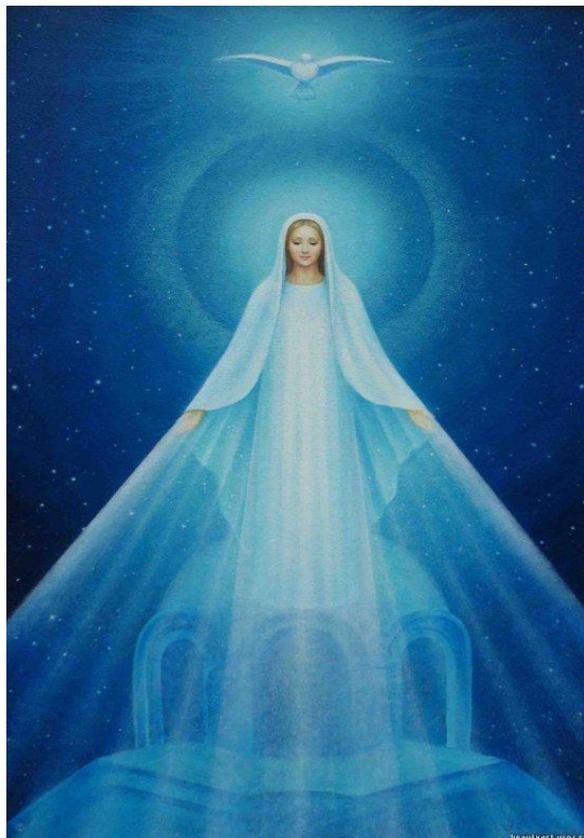
С каждым молитвенным словом стена
Так разрушалась, что стала видна
К морю дорога, *Корабль* вдали
И горизонт парусами зари.

Боли не чувствуя, кровь он терял,
Только молиться он не уставал,
А когда золотом солнечный круг
стал прикасаться к деревьям вокруг,

Светлая Дева, лазурью сильна*,
Вышла к нему из колодца-окна...

Образ ее Благодати святой
Так ослеплял неземной красотой,
Что наш Царевич зажмурил глаза,
Словно устами дышал в образа...

- Раны твои,- тихо молвит Она,-
Я исцелю, мой Царевич. От зла,
От черноты, выпивающей кровь,
Может спасти тебя только *Любовь!*

Если ты сердце отпустишь свое
К свету свободы, любовь и добро
Будут тебе и Щитом, и Мечом,
И к созиданию вечным ключом.

Помнишь ту птицу, что выпустил ты,
Речи kota о дорогах Москвы?
Сколько на Шапке камней ты считал,
И разгадать смысл *жемчужин*
мечтал?

Вот твой *Корабль*, на нем ты плыви
За горизонты бескрайней земли.
Путь свой к Москве ты найдешь
без помех,-
Он называется «Ноев Ковчег»...

- Что значит, сердце свое отпустить
К свету свободы?- Царевич спросить
Только собрался у Девы, как вдруг
Дождь так усилился, словно вокруг

В виде огромной стены из воды
Выросли чистых фонтанов сады...
Капли, рождаясь, летели сверкать
В *чистую реку*. Она, словно Мать,

Вена в едином пространстве земли...
Кровью струилась в ней сила *Любви!*

Пар поднимался от этой Реки;
Из уст Царевича мысли-стихи
Вновь полились как высокая Песнь.
Уж рассветало. Зарю сменял день.

При свете дня ясен стал сей пейзаж:
Ночи остаток, как тьмы вечный страж,
Лужей огромной ощерил ту пасть,
Где злоба, ненависть празднуют
власть.

Чистые души, как капли воды,
Падали в лужу греха и беды;

Незащищенные *веры щитом*,
Гибли, невинные, там за бортом

Судна, хранящего избранных тех...
Имя которому «Ноев ковчег».
Кровь неповинных текла и текла,
Стала стонать уже мать-река.

И от великого плача с мольбой
Кровь превращалась в *источник*
живой...

Этот родник напоил все цветы,
Души заблудших очистил, грехи...
Там, где есть *Свет* и молитвы труды,
Дышат *Источника Жизни* следы.

Этот источник - великий *Родник*
Радости сердца. Умолкнет язык,
Знание праздно отложит свой меч,
Чтоб эта сила сподобилась течь

Неизреченной доньине красой,
Музыки света поющей рекой,
Будто ногами босыми ступал,
Тот, кто за нас на Кресте пострадал.

Эхо тех слов далеко унеслось...
Царским величием солнце зажглось.

глава 12 **ОСЕННИЙ ВАЛЬС В ЛЕСУ**

«Кто так красиво со мной говорил?
Будто бы к сердцу тропинку открыл»,
-

Думал Царевич. А солнышка нить
Тропку ту вышило жаждой. Испить

Надобно мне *родниковой воды*,
Силу собрать, чтобы дальше идти...

Он огляделся. Поляна в лесу
В шорохе робком хранила листву

Возле воды, что желает испить
Славный Царевич наш. Но удивить

Вдруг захотела природа его:
Стал подходить он к воде.... Оттого,
Что красотой ослеплен был не раз,
Так и не смог оторвать своих глаз

От карнавала желтевшей листвы:
Осень дарила ноктюрны-цветы
Мрачному лесу, что свой контрабас
Плотно в футляр упаковывал. Фраз

Музыкальных, мелодий пожар
Осень в пюпитры роняла стригам;
Скрипками высился ласточек флирт,
Словно соната под небом звучит.

Сквозь паутину и звуков капель
Силу копила там виолончель,
Чтобы печалью пронзить голубой
Бабьего лета восторг. С головой

В музыку осени был погружен
Славный Царевич наш. Так ослеплен
Пурпуром уст облетающей листвы,
Что не заметил, как скрылись следы.

В ворохе листьев багряных, златых
Пульс *родника* прекратился. Затих.

Видит Царевич Осинку с Ольхой,
Будто подружки собрались домой.
Серьги достала красунья-Ольха,
Но обронила в объятия Мха...

Только Осинку он ту пожалел,
Музыкой сердца он нежно согрел
Тонкие ветви мелодий в стихах –
Тайной сверкала роса на ветвях.

Флейта звучала в осеннем лесу,
Листьями ноты, кружась, в немоту
Падали, как нарисованный вальс,

Может, Ольхе нужен был этот фарс?

«Платье тебе я достану на бал!»-
Молвит Царевич Осинке. Упал
Желтый с багряными взрывами лист
В руки к нему. Удивительный бриз

Легкой волной создавал акварель:
Нежность проснулась, как будто
сирень
В мае лучистом забыла отцвесть
И попросила у осени весть.

Вальс начинался дрожаньем струны:
Нежность Осинки и статность Ольхи,
Бороды мхов, желтых кленов парад-
Лес превращается осенью в Сад!

Двери распахнуты. Залы дворца
Музыку ждут – королеву Творца.

Скрипки вступают дыханьем тепла,
Ноты пронзают сверканьем пера,
Будто Жар-Птица, восторга полна,
Музыке в руки свой шлейф отдала.

Глянул Царевич - Осинка одна,
Словно Наташа Ростова она...
Сердце неистово бьется в груди,
Так захотелось к ней вдруг подойти.

-Я не танцую,- Осинка в ответ.
Зябну одна здесь уже много лет...
Корни мои не питает вода,
Будто бы вырвали их навсегда.

Скоро погибну, во тьме мне сидеть,-
Платье твое не смогу я надеть.
-Дело обычное!- тут и Ольха,
В вальсе, кружась с кавалером, в меха
Прячет уж ветви и серьги свои -
Нет для нее несчастливой любви.

-Что ты, Царевич,- Ольха говорит,-

Это ж Осина!? Она ведь дрожит,
Плачет и ноет, все ищет пути...
Ты на меня лучше взор обрати!

Знаю, ты камень волшебный искал,
Волки тебя растерзали... От ран
Сразу бы умер в расцвете сих лет,
Если б не *Девы Пречистой свет*.

Это своим покрывалом Она
Жизнь твою от лютой смерти спасла.
Бал этот праздник особый – *Покров*.
Душам смиренным, как Щит от
врагов.

Вот угощенье и леса дары!
Ты от меня сей подарок прими!
Яблоня старая рядом росла,
Но ее буря с дождем унесла...

Плод откатился под ветви мои -
Яблочко, мой государь, подними!
Нет его слаще, под музыки глас
Вкусом обрадуешь жизни рассказ,-

Так говорила красиво Оляха,
Что наш Царевич, откинув меха
С плеч ее мраморных, руку на вальс
Ей предложил... и уже закружил

Вихрь музыкальных мелодий,
красот...
Платье сиреню мелькало. Но вот
Взглядом он встретил Осинки привет-
Сердце упало с разбегу в кювет...

Болью пронзенная рана-душа
Кровоточила на дне, не спеша,
Вены вздувались корнями в земле-
Стало Царевичу не по себе...

В этот же миг, обрывая сирень,
Партию вывела виолончель -
Светлой печалью, на дне голубой,

Лик Светлой Девы явила собой...

А когда скрипок встревоженных рой
Рвался догнать той печали покой,
Лес громыхнул контрабасом финал -
Музыка смолкла. Оркестр устал.

В листья багровые куталась тьма,
Не отдавая Осинке тепла.
- Где же, Осинушка, твой инструмент?
Сердце, предчувствуя новый кювет,
Сжалось от боли, глухой пустоты, -
Ведь эту музыку даришь мне ты!

Что не поешь, не играешь, молчишь?
Что не танцуешь со мной, все
грустишь?
...Как оглушенный, Царевич в траву
Медленно сел, позабыв про Ольху.

Тьма, целясь в сердце Царевичу
мглой,
Мрачно наигрывала тетивой...

В руки Царевич свои поглядел,
Чувства расправились, он обомлел:
Яблоко сочное греет ладонь -
Как прометеев похищен огонь!

В зеркале темной глубокой воды -
Серьги и платье красуньи-Ольхи;
Прелести женской коварный искус
Жаром коснулся Царевича уст.

– Пробуй же яблоко! - шепчет Оляха,-
В этом же нет никого греха!
– Пробовать яблоко? - Ха-ха-ха-ха!
В этом ведь нет никакого греха?!

Лес расступился. И старец седой
Вышел к Царевичу. Был с бородой,
В рубище ветхом, в подрясник одет,
посох держал он в руках много лет.

Посохом тронул Царевича лоб
В полном отсутствии всяческих слов.
Молния взора прожгла в глубине
Душу Царевича. В желтом огне

Листьев, что старец согбенный
створил,
Лужу увидел Царевич. А с ним
Лес говорил по душам в тишине...
(Старец молился на камне во мгле.)*

-Только Господь лишь Адама создал,
Еву-жену из ребра его взял,
Яблоко пробовать он запретил
С древа познания. Но рассердил

Род человеческий Бога-Отца.
Ева в грехе утонула. Мальца,
Что родила она первым из вас,
Кто эту землю любил и всех нас,

Так от греха не смогла защитить,
Стал он убийцей и кровь смог
пролить.

Так просто грех первородный
свершить -
Яблоко с дерева взять, надкусить.

- Страсть ведь тебя искушала, мой
друг,
Разогревала для адовых мук,-
Так лес шумел, собирая наряд,
Осени той золотой маскарад

Стал обнажать всех деревьев стволы.
Ветер поднялся. Октавы листвы,
Терции чьих-то шагов за спиной
Вновь приближались к Царевичу. Он

Вдруг оглянулся и видит: Оляха
Сбросила с мраморных плеч все меха,
Статная, в Евы костюме стоит -
Грех на губах первородный горит.

Лужа - грехов и беды полотно
Мертвой водой отражает её.

Там же, где старец согбенный молил
Бога на камне, *источник ожил.*
Дикие звери и даже медведь
К этому старцу спешили. Согреть

Всех он умел дивным светом добра:
Хлеб свой отдал, искры света, тепла.

глава 13 **ЖИВАЯ ВОДА** **ИСТОЧНИКА**

Только к источнику влаги приник
Наш изумлённый Царевич, как вмиг
Свет животворный наполнил весь ум,
Душу и сердце очистив от дум.

Стал он глотками тихонечко пить
Воду святую. Источника нить
Не лабиринтами пугала след...
Светлых ступеней *сияющий свет*

Внутренний взор открывал ему здесь,
Жажду познания, опыта весть.
Радость сменила печали наряд,
Лес замолчал. Удивительный *сад*

Взору Царевича снова открыт:
Огненный страж на воротах стоит,
Светлая Дева сидит у воды -
Благоухают в ладонях цветы.

- Кто ты? Красивей тебя не видал!
Как твое имя? – Царевич сказал
Деве сей кроткой. И слышит в ответ:
- Имя Мария мое. Много лет

Жду я тебя возле этой *воды*,
Чтоб убережь ото всякой беды,
Чтоб твое сердце, как этот *родник*,
Свет и любовь источало. Язык

Твой хранит тайну родимой земли...
Хочешь узнать, в чем же суть?
Посмотри:
Вот *ключ* – источник бьет из-под
земли,

Ты отыскал его. Дальше иди.
Взяв этот ключ, подошел ты к дверям.
Видишь? Страж Неба с мечом
воссиял...
Чтоб отпереть эти двери ключом,
К музыке в гости заходишь ты в дом,
Там, где хоралы, распевы живут,-
Ноты в линеечках *голос твой* ждут.
Ноты мелодией станут тогда,

Как только ты, натянув провода,
Выставишь первым в скрипичной
строке
Ключ, что *источник* питает в реке.

В тайну живую Реки той проник
Древний славянский родной твой
язык.

Речь ее, словно река, разлилась,
В музыке *слова родного* слилась
С тихим журчаньем того ручейка,
Когда младенца качая в руках,

Мать напевала тихонько ему
Родины песню. «Родился в хлеву
Первенец мой,- прошептала она,-
Он был рожден, чтоб спасти мир от
зла,

Тьмы и невежества, власти греха,
Чтобы звенел голосок ручейка».

Так ее Сердце дарило тепло,
Что из одежд благодатных окно
Вдруг отворилось, - и звуков волна
Вылилась мощным потоком. Она

Нотам пролить приказала себя
В струны Царевича сердца... Не зря
Тело свое ощущать перестал,
Будто бы *Музыкой* дивною стал

Сам он, куда-то летя с высоты:
Не было жаль ему ключев мечты,
Что разлетались осенней листвою,
Скоростью мысли гонимые. Злой
И жестокий коварный пожар,
Что накануне Оляха разожгла,
Как будто накипь, из сердца ушла,
Ведь ничего для себя не нашла.

И вот тогда из *такой чистоты*
Сердца, свободного от черноты,
Вдруг ощутил он *Любви* глубину,
Будто поднявшись на ту Высоту,
Где материнское Сердце века
Свет источает, как пульс родника...

В этом потоке великой Любви
Все моря стали глазами земли,
Реки слезами стекали с лица
Нашей планеты. А у крыльца

Храма, свечою зажженной во мгле,
В холоде и разрушенья золе,
На языке, непонятном для всех,
Было написано: «Ноев Ковчег»...

глава 14 МУЗЫКА ВЕЧНОСТИ

Так же, как в тайну ключа-родника,
В древность великого праязыка,
Скрытого в *Слове*, Царевич проник:
Смыслами множилось слово «язык»...

Видел Царевич, как наша земля
В странных окружностях время тая,
Гласом живым разомкнула уста –
Хлынула дивная сила-краса...

Видел Царевич языки костров,

Времени круг по спирали веков,
 Окнами в прошлое - жизнь у Реки:
 Все существующие языки

Жаждой познать их манили его,
 Но сердце выбрало только одно:
 Той русской песни трепещущий глас,
 Что он услышал, когда птицы глаз

Тайной великой его полонил –
 По глади Речи ковчег дивный плыл...

Снова услышал он ритмы мелодий:
 Инок Кирилл, рядом инок Мефодий
 В келье одной, в монастырской тиши
 Создали остов ковчега. В глуши

Сонной язычество тлело во тьме –
 Русь изначально жила, как во сне.

Лишь для того, чтобы Слово внести
 В души людей и Свет дальше нести,
 Создали братья тот дивный язык,-
 Понял Царевич. И в этот же миг

В этом ковчеге себя увидал:
 «ИСКОНИ», - твердо тут кто-то
 сказал. В это мгновение голос живой
 Вылился песней той самой, родной*.

Смысл выражения: «Взять языка!» -
 Понял Царевич, когда сквозь века
 Пленником знаний на судно всходил –
 По Реке Времени тот корабль плыл...

В воду глубокую смотрит уж он,
 Видит: на камне в кручине, как сон,
 Русская дева в печали сидит.
 Глянул - пред ним та Осинка дрожит.

- Кто ты? – Царевич лишился всех
 слов...

- Так меня видел творец Васнецов,
 Нежно Алёнушкой сам называл,
 Кистью и красками образ создал.

Так и сижу здесь на камне в тиши,
 Слушая звуки природы-души.
 В музыку леса вникая, творю:
 Голосом нежной свирели пою.

Только лишь тот, кто плывет по Реке,
Голос способен узнать вдалеке.
Кто *в измерение* в это вошел,
Тот отыскал тайных смыслов закон.

– Как называется эта река?
Чувствую, очень она глубока!

– Матушка-Волга, – был ясный ответ.
– Где ты, Аленушка? Солнечный свет
Разом открыл в мироздании щель:
– Долго искал ты заветную Дверь,

По лабиринтам в тревоге блуждал,
Камень волшебный с надеждой искал.
...Время пространства сверкающий шар
Молча катило к тебе... Лет пожар

Вспыхивал нотами, сжатыми в крик, –
В *музыке Вечности светится лик*
Новорожденного. Водный покров
Землю хранит от сверканья *Столпов**.

И *утвержденная Истина* путь
Нам озарила как таинства суть*.
Этих аккордов божественный хруст,
Прошлых веков круговерть, ценный груз

Опыта и просвещения плоды, –
Все напиталось из этой воды.
В *музыке Вечности* ты пребывал,

Водной стихией Россию познал*.

Из Византии философ один
(имя ведь было его Константин)
Логос бессмертный пред Русью явил,
Первое Слово ключом сохранил

В книге, которую позже, вдвоем
С братом Мефодием солнечным днем
Факелом дивным внесли они в век –
Так стал бессмертен в столетиях грек.

Факел ждала лучезарная сила:
Преобразить Константина в Кирилла
В монастыре. И великое дело
Стало для иноков в жизни уделом...

Эти слова тишина поглотила...
(С ним говорила волшебная Сила)

Вот он пространства сияющий шар! –
Камень волшебный в ладонях держал
Наш изумленный Царевич. К нему
Из глубин времени в сизом дыму

Конь златогривый спешил - Девы дар.
(Друга Царевич назвал Светозар).

глава 15 **ШАПКА МОНОМАХА**

Только Коня лишь он взял под уздцы,
Время, как чаш двух громадных весы,
Стало распахивать окнами даль:
И он увидел, как батюшка-Царь

С посохом, в ризе и весь в голубом
На троне Времени в нимбе златом
Жизни земной отмеряет холсты:
Путь расстилается... Сердце Москвы

Куполом храма сверкнуло над ним...
Только с холста, где разрушенный Рим
Варваров полчища не одолел,

Константинополь Царьградом
смотрел.

Но наступает пятнадцатый век
И продолжает История бег:
Турки низвергли Царьграда мосты
И Византии не стало. Холсты

Времени листьями в прошлом легли –
Только *Софию святую* враги
Так никогда не смогли одолеть,
Хоть превратили святой храм в
мечеть.

Этот Софийский собор – монолит
Сквозь все века свои тайны хранит.
Так и осталось бы множество дней
В смуте людской, в переделах церквей

Раной, которая вечно болит,
Если б Зосима, наш митрополит,
Мудрость провидца вдруг не проявил.
Он ведь на весь континент объявил,

Как только Русь укрепилась Москвой,
Сбросив татарское иго долой:
«Веру свою мы в веках сохраним...
Центр христианства – Москва, третий
Рим!»

В это же время в Палатах Кремля
Князь Иван третий короной Царя
Внука Дмитрия к власти призвал –
Шапкой впервые главу увенчал.

Из всех сокровищ у русских князей
Нет ничего этой Шапки важней,
Ведь по одной из древнейших легенд*
Из Византии (для новых побед)

Киевский князь Мономах Владимир
От императора в дар получил
Сей драгоценный достойный венец –
Царских регалий древнейший отец.

Факел тот дивный, что братья зажгли,
Из Византии на Русь принесли
Светом на Шапке-короне сиял –
Золотой купол крестом увенчал

Тот ювелир, что душою своей
Создал величие русских Церквей.
Ведь с этих пор купола на Руси,
Солнечный свет отражая, несли

Людям *Надежду* и *Веру* в пути,
Чтобы хватило у них сил пройти
Весь маскарад этой жизни земной,
Душу спасти и вернуться домой.

Чтобы душа возродиться смогла,
Как птица Феникс из пепла. Когда
Времени круг, предназначенный ей,
Станет в трудах её жизни светлей,-

Нашей планете любимой, больной
Тьмою невежества, злобой, войной

Станет ведь легче дышать, хоть на миг...

Эти слова седовласый старик

Сыпал в безмолвии в полосу ржи...
Россыпью синих цветов вдоль межи
Тихо мерцал глаз немеркнувший свет –
Мудрость сияла сквозь тысячу лет,

Словно душа поднялась на этаж...
Тих и прозрачен был русский пейзаж,
Что расстился в палитре тиши
Золотом чистой бессмертной души...

глава 16 **ОТРОК ВАРФОЛОМЕЙ**

Было так тихо в округе, светло...
Сердцу Царевича стало тепло.
И он увидел тропинку. Река,
Сузившись вдруг голоском ручейка,

Звоном хрустальным в высокой траве,
Лес покидая, катилась. «Ко мне
Ты подойди», – кто-то тихо сказал.
Вздрогнул Царевич и вдруг увидал

Средь васильков в том просторе полей
Свет куполов древнерусских церквей.
А по тропинке среди тонких стволов
Белых березок и елей, холмов

Мальчик-пастух, потерявший коней,

К старому дубу брел. Варфоломей -
Отрок казался березкой. В тиши
Дуб открывал ему тайны души...

Черная риза сокрыла до пят
Старца. Монашеский строгий наряд,
Словно дубового древа кора, –
Издали тайной манила она...

– Грамоты свет мне дается с трудом, –
Отрока голос хрустальным ручьем
Тронул светящийся нимб головы
Старца-монаха. «Сосуд духа ты! –

Мыслью такой черноризец пронзен –
Будь же ты, отроче, благословлен!»
Старец достал небольшую мошну*,
Вынул анафору*, молвит ему:

– Ты отвори свои, чадо, уста!
Дивная сила в тебе! Красота!
Как только съешь этот белый хлебец,
Станешь вместилищем чистых сердец,

Что не устанут во веки стяжать
Духа святого дары. Благодать
Божья знаменье к тебе пролила,
Солнечным светом, коснувшись чела;

Жизнь твою белых родит голубей,
Что сквозь века, собирая людей,
Под куполами обители сей,
Смерть побеждать будут *Словом*.
Светлей

С каждым сердечным молением путь
Всякого будет, но если дерзнуть
К мощи твоей лучезарной Господь
Душу сподобит. И *веры* щепоть

Вырастет в ней как светильник-
фонарь...
А когда глас колокольный звонарь
Будет с молитвой святой проливать

Из века в век... Твое сердце сиять

Станет *жемчужиной*, тайну храня,
И преподобным восславят тебя...
Землю родную поможешь спасти
В битве Великой во славу Руси...

Шаг свой Царевич ускорил к тропе...
– Где же тот старец, где отрок? Во сне
Мне лишь привиделся их разговор?–
Думал Царевич.

Могучий Орел
Песню дубов вековых пробуждал,
Взмахами крыльев простор
раздвигал...

В Небо Царевич направил свой взор
И там увидел: парящий Орел
Медленно круг описал в небесах
И вдруг исчез. Глубина в тех местах,

Где его крылья с *лазурью* слились,
Света столпами рождалась в ту Высь,
Откуда птица, сверкнув серебром,
Силой *Любви* сочеталась с Орлом.

Преображалось пространство вокруг:
Золотом вытканый солнечный круг
Нотами брызгал под купол Небес,
Как ключ скрипичный, найдя,
наконец,

Своим линеечкам нотным пути...
Будто бы знак подавал, как пройти
Вместе с пронзительным Света лучом
К солнцу, в покой его Царский.
Мечом

Острым, как молний стремительный
взгляд,
Словом молитвенным нот звукоряд
Пойман был хором Дубравы лесной...
Братья-Дубы вознесли голос свой

В ту безмятежную чуткую Высь,
Откуда *Голубь* стремительно вниз,
В очи Дубка молодого сошел...
...Варфоломей или старец прошел?

Ошеломленный виденьем таким,
Отрок в траву опустился без сил.
Очи свои на мгновенье сомкнул
И не заметил, как сразу заснул...

глава 17 **СОН ЦАРЕВИЧА**

Видит Царевич: светла и нежна,
Девушка красная, ликом бледна,
Белой березкой в Дубраве стоит,
Ветви ее буйный ветер хранит.

Слезы хрустальной влагой живой
Стан ее белый омыли. Больной
И обветшалый Березки той вид
Душу Царевичу ранит. Велит

Сердце ему близко к ней подойти,
Что за печаль ее точит, найти.

–Ты собери мой березовый сок
В чашу большую. Когда придет срок,
Сестры-березы, что плачут со мной,
Чашу твою той *Живою водой*

От края к краю наполнят. Тогда
В *имени* ты разглядишь без труда
Свет моей дивной далекой Звезды...

–Как твое имя?! «Царевичу ты

Можешь открыть»,– прошептал
херувим.
–*Я твоя Родина*,– розовый дым
Вместе с зарей разостлался в ту даль,
Где запах ладана крошит печаль...

Стонет Великая матушка-Русь:
– Белым хрустальным осколком
вернусь
Я к тебе, милая сердцу земля!
Ты сбереги для меня те поля,

Где с тьмою черной один на один
Света обитель воздвигнет мой сын...
Так шелестела Березка листвой,
Крона касалась небес. Синевой

Очи блистали, как озера гладь,
И наш Царевич успел увидеть,
Прежде, чем сон отошел от него,
Белую Лебедь. Красивей всего

В солнечном злате корона была...
А величавая песня крыла
Пурпурной ниточкой зарева скань
Словом молитвы творила... как
встарь

Колокол грянул. А купол Небес
Снова открылся... и вот, наконец,
Лишь только очи Царевич открыл,
Белая Церковь явилась пред ним.

– Долгой была твоя к Храму дорога!
Старец святой ждал его у порога...

И поразило Царевича вновь
Чудо. Явленная Богом *Любовь*
Настежь сердечные двери открыв,
Будто бы теплого ветра порыв,

Хлынула солнечным светом туда,
Где *в одном корне срослись* навсегда
Три белоствольных Березы-сестры.

– Русь моя матушка! Это ведь Ты!
(Голос Царевича эхо хранит)
– *Русь Православная*,– сердце стучит.

Икона преподобной Евфросинии,
игумении Полоцкой

глава 18 БЕЛАЯ РУСЬ

...Что за страна это? Ситец берез
Как сарафан надевала...
«Русь уходящая» - раной всерьез
Душу поэта терзала...

- Я «Русь Советскую» также воспел
И «Русь кабацкую» даже....
Ведь *православной Руси* передел
Душу мне выпачкал сажей...

Кто это был? Неужели поэт,
В кудрях которого эхом
Отозвалась боль растрченных лет
Жизни без Бога? И следом

За этой песней о *кроткой Руси*
Душу открыв, будто сени,
Звуком гармоники лес оглушив,
Вышел Сергей Есенин*.

- Здравствуй, Царевич! Ты мне
расскажи,
Как там на свете живет?
Где твоей Родины есть рубежи,
И о чем в песнях поется?

- Здравствуй, Сергей! Вот ответ мой,
каков:
Песни ведь тоже пою я...
Русь моя Белая... родины зов
В пуще лесной убаюкан...

Мною храним заповедный мотив,
Даль и зари свет хрустальный...
Зубр-исполин там живет, и красив
Лес Беловежский печальный...

Ну, а когда над *Полесьем* летит
Аист с крылом белоснежным,
Верит народ, что Господь сохранит
Мир на земле и *надежду*...

В *Полоцке* жгучей молитвой заря
Вновь разлилась в выси синей...
И восстановлен из небытия
Крест золотой *Евфросинии**...

За *православную веру* страдал
В *Бресте* святой *Афанасий**
И в сентябре Крестный ход доказал:
Подвиг его не напрасен!

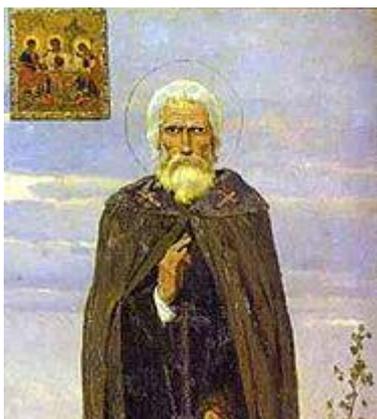
Что в твоём будущем, *Белая Русь*?
Этим вопросом я маюсь...
И, как умею, тихонько молюсь,
Сердцем к заре прикасаясь...

Храм я увидел, и старец сказал:
«Долго же был ты в дороге...
Где ты, Сергей? А Есенин пропал
В осени дивном чертоге...»

И на траве в полудреме себя
Отрок Сергей обнаружил...
Кто я? Зачем здесь? ...Из недр бытия
Выступил тот, кто был нужен.

глава 19 *РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ*

...В дивное место Царевич попал:
Очи открыл, старика увидал.
- Где я? - лишь только он это спросил,
Храм белокаменный двери открыл.

Старец седой, что явился ему
В розовом дыме Отечества, мглу
И столетий минувших мираж
Посохом Солнца раздвинул. Пейзаж

Взору открыт как на древнем холсте:

Русское поле... и князь на коне
Вместе с дружиной к Обители мчит,
С ветром войны за ним ворон летит...

Время качнулось: столетья, сжимаясь,
Частью минувшего вышли, вздымаясь.
И в измерении этом глубоком
Слушал Царевич глас Песни высокой.

«Путь к русской Песне – дорога
твоя», - вспомнил он ясно и обнял
коня.
А Светозар, стукнув оземь копытом,
Молвил ему русским слогом
открытым:

- Выше *молитвы* нет песни на свете.
Помни слова ты заветные эти!
Троицы Живоначальной обитель
Мы посетили. Руси устроитель

Сергий святой и Великий князь
Дмитрий
Изготавливают орудие к битве.
Слышишь? Дубы поют - братья хор.
Сам преподобный ведет разговор:

- Здравствуй, Димитрий, мой княже
Великий!
Что привело тебя в нашу обитель?

- Знаешь ты, Отче, великое горе
Так сокрушает меня. Ведь в неволе
Русь православная мается. Ныне
Хан из татарской орды, как в трясине,

Топит просторы России великой.
Иго татарское так многолико...
Русский народ, что сто лет уж во
мраке,
Сил не имеет мамайской собаке

Противоборство оказывать боле,
Духом повержен, нет веры в неволе

Наши дары для Мамаю напрасны...
Но я в поход собираюсь опасный,

Вместе с дружиной своею отборной,
Выйду за Русь с головой непокорной!
И первым долгом я прибыл в обитель,
Чтоб от тебя, наш великий хранитель

Духа святого и Божьего гласа,
Принять напутствие к битве и Спаса.
Старец святой успокоил собрата,
К помощи Божьей воззвав, и в палату

После Божественной утренней
службы
К трапезе гостя позвал. Было нужно
Дух возродить у дружины и гостя,
Чтобы Мамай не нашел свои кости...

- Крови прольется там много,
Димитрий.
Вечную Память погибшим в той Битве
Я уже вижу в великом деянии –
Мученикам уж плетет одеяние
В виде терновых венцов она. Знает,
Сколько на вечный покой
принимает...

Князь прослезился в волнении
глубоком
И к преподобному с просьбой
высокой
И с умилением сердца воззвал:

- Отче мне благословение дал!

Только прошу я особого дара.
Есть у тебя в числе братии пара,
Инока два: Александр и Андрей.
Мне бы в дружину тех богатырей!

Живоначальную Троицу славя,
Жил в той обители Андрей Ослябя.
Воином был и послушник-сосед,
Ревностный схимник – монах
Пересвет.

И преподобный, не думая долго,
К радости иноков молвит негромко:
- Верует князь наш Великий в победу,
Изготавливайтесь на ратное дело!

Только вот латы и шлем не берите,
Схимы с крестом на себя возложите.
Это орудие в битве не тлеет –
Вера Христова спасет и согреет.

глава 20 ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Только лишь те прозвучали слова,
Колокол грянул: деревья, трава
Замерли в вечности пылью земной –
Тьма надвигалась огромной стеной.

-Эй, Светозар! Мне не видно ни зги!
Где же обители свет? Помоги!
Тьма накрывает меня, и туман
Плотным кольцом охватил, как
дурман.

Так наш Царевич коню закричал,
Тучи сгущались, и свет вмиг пропал,
Глянул – не схимники скачут вперед –
Два крепких дуба уж бурей гнет...

- Ты, мой Царевич, ко мне поспеши!
Битва грядет! Но твоей-то души
Не одолеть Черной тьме впопыхах,

Сколько б она не сгущала свой мрак.

Про Куликовскую битву слышал?
Дмитрий Донской Пересвета послал
Выиграть бой с Челубеем. И вот
Слава в веках их великая ждет.

Дни и века ты оставь госпоже
Нашей Истории. Ведь о *душе*
Время подумать и вспомнить пришло.
И рассмотреть, что же произошло.

Ты, мой Царевич, порядком устал.
Сколько уж лет, как ты дом покидал?
Ты повзрослел, изменился в пути.
Истины благо сумел ли найти?

Знаешь, где зло, где добро, где
печаль?
Радость мечты твоей – дальняя даль?
Сколько у *древа познания* ветвей?
Сколько у *солнца* священных лучей?

Знаешь ли ты, что познания дочь
В том, чтоб себя самого превозмочь.
Только тогда ты вернешься домой,
Если сумеешь сразиться с собой!

И посему делать вывод спеши:
Битва творится на ниве души!
Света не видишь средь вражьих
полков –
Значит, *душе* тяжело от грехов...

Так отвечал Светозар, мчась вперед.
Ленточкой алой вплелась в горизонт,
Словно в косичку девичью, заря.
И озаренные светом поля,

Будто страницы, одна за другой
В красочной книге мелькали. Рукой
Кто-то невидимой дверь отворил
И в измерении новом открыл

Сказочный город, красивый такой,
На холсте времени. Там наш герой
Юный Царевич над книжкой сидел,
Строил кораблик, где парус алел.

- Что же, мой друг, ты Ассоль не
нашел?
Столько лет странствовал, к дому
пришел.
Это случалось уже на земле,
Так *блудный сын* возвращался ко
мне...

Голос услышал Царевич, но чей?
Лист шелестит, или шепчет ручей?
- Я свою *Душу-Царевну* привез
На сером волке грехов*. И всерьез

Стал для судьбы я своей кузнецом.
Двери открыл для меня *Васнецов*.

Он и Аленушку очень любил –
Кистью и красками образ творил.
Девушку эту лишь тот не видал,
Кто в галерее в Москве не бывал.

Дом я покинул зеленым юнцом,
Долго скитался и вот пред *Отцом*
Нашим небесным теперь я стою,
Жажду смирения, сердцем горю.

Только тому, кто способен хранить
Серого волка – страстей своих прыть -
Воле послушным, как лошадь в узде,
Будет судьба улыбаться везде.

- В чем для тебя есть улыбка Судьбы? -
Голос воззвал из такой глубины,
что у Царевича в сердце возник,
Светом исполненный, солнечный
лик...

Лик этот все становился светлей,
Скорби, из сердца гоня, и свечей,
В храме зажженных во славу его,
Стало вдруг множество... - Я оттого

Шапку Цареву так долго искал,
Что о себе ничего ведь не знал!

Только *Господь* лишь мне в сердце
вошел,
И я себя разглядел голышом,
Сразу постиг: *прибавленье Ума*
Есть очищение сердца от зла!

Жаждой томим, был богатства найти,
Почести, славу и власть обрести,
Мудростью мыслей тщеславно
блистать,
Духа святого не знал, как стяжать...

Только тогда лишь, как Сердце
Москвы
Куполом храма – перстами Судьбы –

Как-то однажды сверкнув надо мной,
Мне осветило дорогу *домой*,

Понял я, что Мономахов убор –
Церковь родная, что через забор...
Рядом с родительским домом она –
Белая, дивным величием полна...

Много видал я в дороге церковей,
Нет ничего в целом свете милей!
Стал по складам разбирать
«мономах»,
Смысл великий увидел: Монах!
Если закон *Ома* я изыму,
и *силу тока* уму подчиню -
Страсти уймутся, а я подниму

Душу-Царевну без тяжких оков,
Как на холсте, что писал Васнецов!

И посему вопрошаю теперь:
Где отыскать потаенную Дверь?
Шапка Монаха теперь мне видна,
Но тишина мной не обретена...

- Тихо смирения Двери открой,
Молча свечу зажигая, и стой
В храме родном пред иконой своей...
Силу великую монастырей

Время еще не пришло тебе знать,
Подвиг монаха тебе ли поднять?
Видишь, здесь Лестница в Небо
ведет?
Знаешь, куда тебя Сердце зовет?

Тридцать ступеней крутых одолеть,
Душу спасая, и Бога узреть...
Эти скрижали духовные дал
Авва Синайской горы Иоанн.

Труд этот «*Лествица*» назван им был,
И сам Господь его благословил.

Там, в *Тридесятом том Царстве*,
живет
Истина-радость, там сердце поет!

- Эй, Светозар! Отправляемся в
Путь!?-
Кликнул Царевич коня... Но тянуть
Кто-то вдруг стал за рукав его: - Сын!
Спишь ты давно уж за книгами... Грин

И Васнецов, и журнал «Светозар»,
Сказки и Библия, «Лествица», план
Трех путешествий по храмам Руси...

- *Веру, Надежду, Любовь* пронести
Неугасимой лампадой в Пути...
Кем бы ты ни был, лишь только
свети!

Вот, что я понял, когда в тишине
Мудрость *СОФИЯ* явилась ко мне...
Мальчик Сережка проснулся и вот
Маме спешит рассказать про полет:

- Знаешь ли, видел такие я сны!
Прошлое с будущим в лике Весны,
Словно на тканом возникло холсте...
И осветилась дорога. Везде

Стало вдруг солнечно, очень светло
И *белой птицы* большое крыло
Вытерло небо. Сияет *Лазурь!*

«Вера с Надеждой готовят глазурь», -
Думала Люба, внимая словам
Школьника-сына. Экзамен свой сдал
Первый. Но сколько еще впереди!
Господи - Боже, ему помоги!

Вот и у Веры готов сей *пирог*;
Славный растет у Любви сынок,
Будет дорога его далека...
Да сохранит его Бог от греха!

ЭПИЛОГ

Когда в горячий полдень своей жизни
Мечтала я желанья утолять:
Блистать рубинами и жемчугами
мысли
И почестей вино предпочитать,
Открыть для всех возможностей
оконца
И посетить другие страны и места, -
Душа, как самарянка у колодца,
Нежданно встретила Христа...

И жизнь моя, казавшись поначалу
Мне музыкой волнующих стихий,
Предстала лишь лоскутным одеялом
Для странника, замерзшего в пути.

Душа ждала и жаждала той влаги,
Которая, наполнив до краев,
Откроет жизни смысл не на бумаге,
Но сердцем ты услышишь некий
зов...

И Небо вдруг откроет свои двери
Созвучиями истин пред тобой,
Указывая Путь, ведь *сердце верит*,
Что это возвращенье – путь домой...

И вот уже часы на циферблатах
Фиксируют то вздохи, то года.
Не важно, кто ты: бедный иль
богатый,
Ведь солнце, озаряя города,

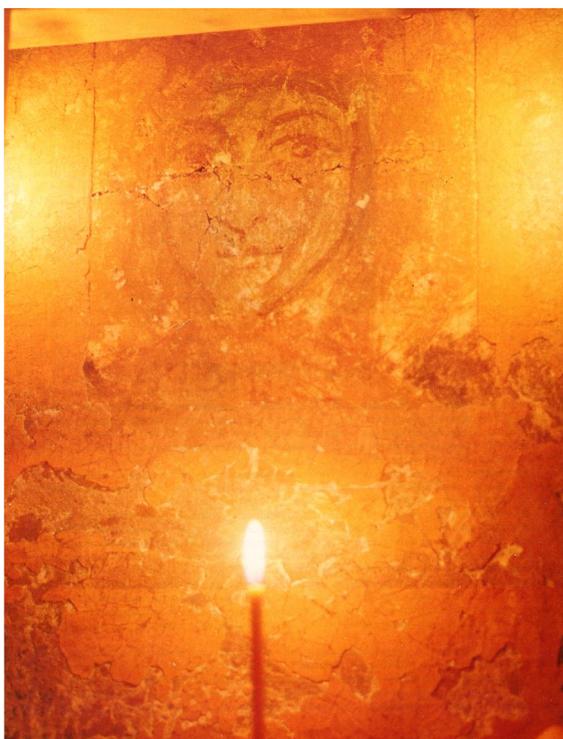
Сияет *чистой Истиной* улыбки,
Теплом *Любви* восполнена нужда...
А нашим душам в сорняках-ошибках
Молитва с покаянием нужна!

...Приводят в храм нас *Вера и*
Надежда.
Над куполом - луч солнца золотой...

Любовь отдаст младенца без одежды
В купель, где с родниковой водой,

Крещение принимая, он встречает
Огни судьбы заветные, как встарь...
Пусть *Шапкой Мономаха* увенчает
Главу Царевича под куполом звонарь.

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ

* стр. 2 – «Шапка Мономаха» - название пирога с черносливом и взбитой сметаной;

* стр. 3 – «...А Город – королевская Гора...» - речь идет о городе Кенигсберге (современный Калининград), который интересен своей древнейшей и современной историей и является как бы духовной вотчиной лирического героя сказки;

* стр. 3 – «...в том храме, где, как в древнем корабле, спасенье...» - в начале 90-х годов XX века на центральной площади Калининграда был построен православный храм, как символ духовного возрождения и окончательного возвращения города, завоеванного во Второй Мировой войне, к истокам своего далекого прошлого, когда прусские земли принадлежали древнерусскому государству;

* «...в луче божественной любви как золотинки...» - выражение И. Шмелева. (Цитата по книге И.Ильина «Аксиомы религиозного опыта»).

* стр. 3 – «А море всем нам Мать» - цитата из письма Клода Дебюсси - известного французского композитора, основоположника музыкального импрессионизма. На окончание консерватории Дебюсси представил кантату «Блудный сын» на библейский сюжет.

* стр. 4 – «...легенду о цветке...» - водяная лилия у *древних славян* считалась особым цветком, одолень-травой против нечистой силы. Необычный желто-белый цветок с пятнистым, как змеиный хвост, корневищем народная фантазия превратила в русалку – прекрасную и несчастную девушку с рыбьим хвостом. (По Н. Верзилину)

* ...сюжетом детской сказки... - имеется в виду сказка Г.Х. Андерсена «Русалочка».

* стр. 7 – «...Грэй исследовал картину в старой рамке...» - речь идет о главном герое знаменитой феерии А.Грина «Алые паруса».

* стр. 7 – «...души ее пещера *сталактитом* и *сталагмитом* разрослась в тиши» - СТАЛАГМИТЫ (от греч. stalagma — капля), натечные минеральные образования (чаще известковые) в виде конусов, столбов, растущих с пола пещер и др. подземных полостей в карсте навстречу сталактитам и нередко сливающиеся с ними.

СТАЛАКТИТЫ (от греч. stalaktos — натекающий по капле), натечные минеральные образования (чаще известковые), свешивающиеся в виде сосуллек, бахромы и т. п. с потолка и верхней части стен пещер.

*стр. 7 « ...а повесть Польшока вдохновляла корабль построить...» - Польшок – персонаж повести А. Грина «Алые паруса», рассказывающий Грэй о составе вин в фамильном погребе.

* стр.7 «Секрет» - так назвал Грэй свой корабль с Алыми парусами.

* стр. 9 «Город на Королевской горе» - речь идет о древнейшей истории Кенигсберга. Основанный Тевтонским Орденом как город-крепость Кенигсберг, назван в честь главы крестоносцев — чешского короля Отакара II Пржемысла. В 1226 и 1234 гг. император и папа передали Ордену все права на захваченные земли. В последующее время Орден заселял малонаселенную землю немцами, создавая здесь города и деревни, основывая монастыри, крепости и замки. На берегу Калининградского залива находится старейший из сохранившихся замок Бальга, основанный в 1239. К 14 в. возле возведенной тевтонцами крепости существовали три средневековых города — Альтштадт, Лебенихт, Кнайпхоф, объединившиеся в 1724 в один город Кенигсберг. (Из Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия)

* стр. 9 « ...больной Кенигсберг...» - В 18 веке Пруссия стала ареной военных конфликтов Семилетней войны. В 1758-62 гг. Кенигсберг находился под властью России. В 1807 Кенигсберг был захвачен французами. Русские войска воспрепятствовали полной оккупации Пруссии французами. В Тильзите (ныне город Советск) состоялось подписание Тильзитского мира между Наполеоном и Александром I, и город остался прусским. В годы Второй Мировой войны город был почти полностью разрушен. Переданный по решению Потсдамской конференции 1945 года Советскому Союзу Кенигсберг был отстроен как советский город, однако многие исторические памятники были восстановлены и сохранены.

* стр. 10 «...тянется к свету Собор из руин...» - старый Кенигсберг считался центром европейской культуры. В городе сохранены многие уникальные архитектурные памятники. Старейшим из них является посвященный Св. Адальберту и Деве Марии Кафедральный собор, строительство которого началось еще в 14 в. на острове Кнайпхоф и продолжалось около 50 лет. Алтарная часть собора долгое время служила местом захоронения правителей Пруссии из династии Гогенцоллернов. Собор сильно пострадал в 1944, только в 1991 после долгих реставрационных работ здесь состоялась первая послевоенная служба. У стен Кафедрального собора похоронен великий немецкий философ И. Кант.

* стр. 10 пруссы, группа балтийских племен, населявших часть южного побережья Балтийского моря. В 13 в. завоеваны Тевтонским орденом. От пруссов названа Пруссия. После разгрома фашистской Германии во Второй мировой войне территория Пруссии была разделена на отдельные земли. В 1947 году Контрольный совет для Германии принял закон о ликвидации Прусского государства как оплота милитаризма и реакции. После объединения Германии в

1990 году Пруссия как земля не восстанавливалась, вместо нее была воссоздана земля Бранденбург с центром в Потсдаме.

* стр. 10 «...там есть указ мне – корона Царя...» - речь идет о православном храме в городе Калининграде. Знаменитая картина П.Д. Корина «Александр Невский» выбрана не случайно для иллюстрации эпизода. Известно, что один из потомков пруссов, спасаясь от крестоносцев, бежал в дружину Александра Невского. От него, прозванного русичами Иваном Кобылой, и произошел *род дома Романовых*. По версии А.Чекашина, от прусса по имени Рокша *Александр Пушкин* ведет род с этой земли, из Пруссии, и является прямым потомком великого князя А. Невского в двадцать первом колене.

* стр. 11 М.Врубель « Демон сидящий». 1890. Третьяковская галерея, Москва. Врубель долго, мучительно искал образ своего демона (пытался и писать и лепить), несколько лет прошло, прежде чем он увидел его как нечто «...“демоническое” — полуобнаженная, крылатая, молодая, уныло-задумчивая фигура сидит, обняв колени, на фоне заката и смотрит на цветущую поляну, с которой ей протягиваются ветви, гнущиеся под цветами». «Демон сидящий» — это символ юности и нерастраченного жара, лиричности и человечности, в нем нет ни злобы, ни презрения. «Как часто на вершине льдистой / Один меж небом и землей / (Как царь с развенчанной главой) / Под кровом радуги огнистой / Сидел он мрачный и немой» (М. Ю. Лермонтов «Демон»»).

* стр. 11 «...путь свой Тамара сама избрала» - речь идет о произведении М.Ю.Лермонтова «Демон».

* стр. 11 «...кровью Отечество дышит мое...» - имеется в виду то, что юноши поколения 80-90х годов погибали на войне, выполняя свой интернациональный долг в Афганистане, а потом в Чечне.

* стр. 11 «...Босх обнаружил их в недрах Земли...» Иероним Босх – нидерландский художник, один из крупнейших мастеров Северного Возрождения.

* стр. 11 «...диссонанс Шнитке вступает...» Шнитке Альфред Гарриевич (1934-1998), российский композитор, заслуженный деятель искусств России (1987). Средствами инструментальной музыки он воссоздает конфликт одинокой и страдающей человеческой души (ее персонификациями служат, соответственно, виолончель и скрипка) и чуждой, враждебной, вульгарной среды. По существу, тот же экзистенциальный «сюжет» лежит в основе концепций Шнитке. Его своеобразными разновидностями являются другие центральные идеи творчества композитора: судьбы высокой культуры прошлого в хаотичном и суетном современном мире и неспособность художника, воспитанного в условиях современной цивилизации, избавиться от разъедающего душу скепсиса.

* стр. 14 «...ЛОГОС возник...» - по материалам философских чтений, опирающихся на работу Лосева «Античный космос и современная наука»: «...Бог превращается то в Огонь, то в Логос, взрывая огнем омертвевшие стихии. ЛОГОС есть проявление Бога в погасшем Огне.

* стр. 17 «...Светлая Дева, лазурью сильна» - выражение А.Блока. (По материалам научного исследования Р.В.Алимпиевой «Цветовые и светообозначения как средства номинации и нравственной оценки в творчестве А.Блока»).

* стр. 20 – «...старец молился на камне во мгле...» - речь идет о молитве великого русского святого Серафима Саровского, который молился на камне в глухом лесу.

* стр. 22 «ИСКОНИ (Вначале) было слово» - открывается вся славянская письменность монограммой Христа – Ис(кони). Во главу угла русской словесности был положен образ Христа, который призван был благословить и освятить своим незримым присутствием все плоды дальнейшей деятельности азбуки. Стилистическая система старославянского языка отражала трехуровневость видения мира нашими предками (материальный, душевный, духовный). Слова *начало* и *конец* – однокоренные, так как имеет место историческое чередование кон // чен (к//ч), что является этимологическим подтверждением тезиса о том, что все процессы и явления мира связаны.

* стр. 22 имеется в виду работа Павла Флоренского «Столп и утверждение истины».

* стр. 22 «...водной стихией Россию познал...» по работе Лосева «Античный космос и современная наука».

* стр. 23 «... по одной из древнейших легенд...» - Император Константин Мономах якобы даровал венец вместе с царскими регалиями своему внуку, киевскому князю Владимиру Мономаху. Документальные источники сообщают, что впервые шапкой Мономаха Иван третий венчал на царский престол своего внука – царевича Дмитрия в 1498 году. Последним, кто венчался ею на царство (1682 г.), был старший брат Петра первого царь Иван Алексеевич.

* стр. 26 «...за этой песней о *кроткой* Руси...» - речь идет о стихотворении С. Есенина «Русь», написанное в 1914 году, еще до революции.

* стр. 26 «...крест золотой Евфросинии...» - Святой Крест был изготовлен Лазарем Богшей по благословению матушки Евфросинии из кипарисового дерева и украшен золотыми и серебряными пластинками. Его шестиконечная форма означала шесть дней творения мира. В середине Креста в пяти квадратных гнездах хранились святыни – частичка Креста, на котором был распят Иисус Христос, с каплей Крови Спасителя, кусочки камней от гроба Господня и гроба Божией

Матери, частицы мощей святых мучеников Стефана и Пантелеимона и капля крови святого Димитрия Солунского. После революции 1917 года святой крест был отнят у монастыря советскими властями, и в 1941 году он бесследно исчез. В 1997 году по благословению Патриарха Иерусалимского и всея Палестины Диодора и Патриаршего Экзарха всея Беларуси Митрополита Филарета Крест был восстановлен брестским ювелиром Николаем Кузьмичом, освящен и положен в храме Преображения Господня в Спасо-Евфросиньевском монастыре в городе Полоцке.

* стр. 28 «...на сером волке грехов...» - мысль из книги Ивана Ильина «Путь духовного обновления», где речь идет о том, что «...страсти человека сами, добровольно и целостно, служат духу и несут его к цели, подобно «серому волку» преданно везущему на себе «Ивана Царевича» в тридесятое царство».